

Глава VIII

АНТРОПОЛОГИЯ РОССИЙСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Введение

Непросто, но крайне полезно оценить трансформации и общественный процесс в России с точки зрения социально-культурной антропологии, которая изучает человека во всем многообразии создаваемых им социальных коалиций на основе этнографического метода, или метода включенного наблюдения. Во всем мире социально-культурные антропологи выполняют важные познавательные и экспертные функции, необходимые для самопонимания общества и для его управления. Управленческая потребность в антропологах особенно выросла в последние годы, ибо общества (имеются в виду прежде всего государства) становятся все более сложными по составу населения и своей организации и не только сохраняют, но и увеличивают свое культурное многообразие.

Без «домашней» антропологии сегодня невозможно обеспечить адекватную экспертизу трансформирующихся обществ, когда статистика, социологический опрос и политологический анализ не способны уловить характер и траекторию перемен. Только хорошо обученный антрополог может объяснить, что частная стратегия людей всегда была и будет выше любой «национальной идеи», что же-

лающих управлять всегда больше, и поэтому «рваться к власти» — это естественно, что содержание и границы групповой культурной отличительности подвижны, что люди могут использовать этничность и так называемую историческую память в инструменталистских целях, и поэтому так называемые национальные, казаческие, языческие и прочие «возрождения» или «движения» должны восприниматься прежде всего как манипуляции активистов социального пространства. Не менее важен и просветительский аспект антропологии, когда современный взгляд на расу и этничность может помочь избежать этноцентризма, ксенофобии и насилия, которые громко заявили о себе на территории бывшего СССР в последнее десятилетие.

Если в центре нашей дисциплины стоит изучение человека, то, видимо, обращение к его антропологической сущности должно быть одной из отправных точек анализа. Человек как существо социальное рождается в этом мире, чтобы исполнить свое первичное предназначение — обеспечить благоприятные условия собственного существования: дольше и комфортно прожить, произвести и вырастить потомство, обеспечить свой статус и безопасность, удовлетворить культурные запросы, исполнить идеологическую миссию, если его в нее рекрутировали. Для этого человек вступает в сотрудничество и соперничество с себе подобными. С этой целью он создает всевозможные социальные коалиции и институты, начиная от семьи и кончая государством. Данные усилия человека направлены на обладание и производство как можно большего объема ресурсов, включая территорию, материальные и духовные ценности, здоровье, образование, связи, власть, статус — все, что называется «реальным» и символическим капиталом.

Эти постулаты хорошо известны антропологам применительно к прошлым, особенно к древним или к так называемым племенным сообществам. Но мы оказались слабыми знатоками антропологии современных обществ, в которых прошла или проходит наша собственная жизнь. Сегодня можно только поражаться насколько слабы объяснительные модели советского общества, просуществовавшего много десятилетий. В этом вопросе преобладают или политизированные постфактические рационализации и литературные метафоры о «советской империи», СССР как «тюрьме народов», «всеобщем

Гулаге», или инерция советской пропаганды, дополненная риторикой жалоб старшего поколения, среди которых присутствуют и представители науки. Главная слабость объяснений советского общества — это утверждение о его исключительности и аномальности, вызванное проекциями оценок политического режима и его идеологического багажа на все общество, его нормы и ценности.

При всех социальных деформациях и политических аномалиях СССР был не менее легитимным государством, чем другие страны Азии, Африки, Латинской Америки и даже Европы. Более того, советское общество, вернее советский человек, в своих базовых проявлениях, в своих частных и коллективных стратегиях имел гораздо больше общего, чем отличительного, с членами других государственных образований, включая и те, которые представляются европейской научной традицией как «нормальные общества». Это общее находило отражение в повседневном стремлении к личному преуспеянию, в создании и функционировании семейно-родственных союзов, этнических и профессиональных коалиций, в эмоционально-психологических установках и, наконец, в формах девиантного поведения, включая тривиальное воровство и внебрачные связи.

Как отмечает английский антрополог Крис Ханн в работе по антропологии социализма, «в большинстве стран (имеются в виду социалистические. — В.Т.) на протяжении большей части времени большинство «простых людей» просто воспринимали систему как данное, приспособились к ней и продолжали жить без вступления в ряды коммунистической партии или диссидентской группы. Другими словами, они «карабкались по жизни» (*muddled through*) точно так же, как люди это делают в другого рода обществах»¹.

В советское время что-то было задавлено — например, гражданские права и свободы, уважение человеческой жизни. Что-то, наоборот, спонсировалось — к примеру, социальный коллективизм, профессиональная культура и образование. Что-то было просто недостижимо в силу неэффективного хозяйствования и плохого управления, как, например, личное богатство, обустроенная среда обитания, достойная бытовая культура и пространственная мобильность. Но даже в этой своей «социалистической» отличительности Россия была до тривиальности похожа на многие другие общества, а метафора *Homo sovieticus* (или «совок») утвердилась уже позднее и

стала скорее саморефлексией, чем внешней категоризацией. На пороге XXI в. приходится признать, что отечественная наука упустила этнографию «советскости» и этот долг предстоит вернуть как можно скорее, пока не исчезла «традиционная» культура советского времени.

Не меньшая потребность существует в познании «постсоветскости» как уже новой культурной традиции, особенно смысла глубоких общественных трансформаций в России. Сразу же выскажу мнение, что установка на радикальную социальную инженерию (чем, кстати, люди занимаются довольно часто в истории) была не только оправдана, но в целом экспертно обеспечена в макроэкономическом и политическом планах, как ни старались каждое новое правительство и оппозиция отрицать уже сделанное, а академический истеблишмент — громить «безграмотных завлабов». Однако исполнители и толкователи российских реформ плохо знали и недостаточно учли антропологический аспект общественной жизни, а именно частную стратегию человека и создаваемую им социокультурную среду, включая мироощущение. Самыми фатальными оказались идеалистическое представление о природе самого человека (должен честно трудиться, любить родину и «служить нации», не должен воровать, обязан заботиться о других и т.п.) и вера в то, что улучшение условий жизни обязательно ведет к адекватному восприятию этих улучшений.

Российское общество — советское и постсоветское — в этом плане имеет характерное отличие. При высокой образованности населения оно сильно идеологизировано, ибо имеет непропорционально большую и крайне претенциозную культурную элиту («инженеры человеческих душ»), которая довольно успешно узурпирует массовое сознание в пользу своих субъективных представлений и во многом определяет поведение рядовой массы граждан, привыкших к одномерному мышлению и вере в одну версию событий, исходящую из «центральных» газет и телевидения. Однажды французский философ Мишель Фуко, отвечая на вопрос о роли радикальной интеллигенции в процессах общественных преобразований, сказал: «Главная проблема — это как избежать излишнего воздействия интеллектуалов, носящихся со своими утопическими проектами, и позволить управленцам делать свое дело по переустройству общест-

ва»². В России сделать этого не удалось. Все «перестроечные» годы театральные режиссеры, писатели, актеры, журналисты и литературоведы выступали как законодатели, авторы «обустройства России» и как главные колумнисты ведущих газет и, наконец, как «совесть нации», чтобы исповедывать ее лидера.

В чем причина сегодняшних акций протеста части населения? Если верить большинству политиков, ученых и масс-медиа, а это значит и «человеку с улицы» (в современном обществе здесь разрыва почти не существует), это протест против антинародного режима и невыносимой жизни. Но если перестать повторять бесконечные заклинания о «нашем тяжелом времени», во что теперь верят практически все, то этнография российской жизни выглядит иначе. Прежде всего следует сказать, что сама власть, т.е. управленцы, и эксперты — ученые, в годы правления Михаила Горбачева и Бориса Ельцина не поняли многого, что пришло в общество вместе с процессом радикальных перемен. Они верили и продолжают верить, что социальный порядок и поведение граждан меняются вслед за изменением характера политического устройства и экономическими реформами. А если этого не происходит, значит, режим не тот («построили криминальное государство») и курс реформ неверен («ограбили народ и устроили геноцид»).

До сих пор никто не смог грамотно объяснить, что по причине политических мотивов или пропагандистского воздействия люди, в том числе обладающие научными званиями, могут психологически не замечать и даже отрицать реальные свободы и жизненные улучшения.

Но самое главное, что быстрые жизненные перемены могут «перегрузить» сознание отдельного человека и общества в целом настолько, что даже улучшение условий существования может отвергаться ими в пользу более привычного уклада. Как пример — одно из многих писем в газеты, на сей раз 55-летней Анны Малаховой из Липецка: «Было у всех по 120 рублей, и ясно — на что потратишь. А теперь смотришь, девчонка лет 18 — за рулем какой-нибудь иномарки... Нам это надо? Мне — нет. Мне — хлеб по 20 копеек, зарплату 120 рублей и чтобы спать спокойно»³. Тем не менее на основе собственных полевых наблюдений я могу утверждать,

что за последние 10 лет в стране произошла революция в жизненном обустройстве людей.

Демография как политика

Для иллюстрации тезиса «Россия в обвале» чаще всего приводят данные о «вымирании нации», катастрофических демографических потерях, включая несколько миллионов неродившихся детей, уменьшении численности «государствообразующего» народа — русских и т.п. Однако если анализировать демографические процессы последнего десятилетия более спокойно, то следует сказать, что сам факт уменьшения общей численности населения страны не должен рассматриваться как однозначно негативное явление. Многие страны мира, особенно из числа наиболее благополучных, имеют в последние десятилетия отрицательный показатель роста населения. В России фактически наблюдается ситуация нулевого роста, и общая численность жителей страны в 1998 г. такая же, какой она была 10 лет тому назад (147 млн.). На самом же деле современное население на 3-5 млн. больше, ибо в стране находится большое число не учитываемых статистикой бывших советских граждан из других государств (Азербайджана, Армении, Грузии, Таджикистана, Украины, Молдовы). Подавляющее большинство их — это молодые мужчины, которые трудятся в сфере обслуживания, строительства, торговли и приносят огромную пользу стране. Без них не были бы осуществлены многие стройки и не было бы фруктов на рынках и в магазинах российских городов.

Наблюдающаяся в последние 6 лет естественная убыль населения (здесь сказались кризис, нестабильность и воздействие неблагоприятного демографического цикла) почти наполовину была компенсирована миграционным приростом населения, качество которого (возраст, образование, профессиональный состав) несколько выше качества основного населения страны. Такая иммиграция может только приветствоваться, хотя с ней связаны социально-психологические и культурные проблемы интеграции новожителей в местах переселения, ибо старожилы обычно негативно воспринимают изменение привычного состава населения.

Однако до момента очевидного процветания России массовая иммиграция ей не грозит, ибо этот процесс (как и эмиграция из страны) носит в своей основе экономический характер, хотя может принимать формы идеологической аргументации («воссоединение с собственным народом», «возврат на историческую родину», «изгнание» и пр.). Наивная установка правительства Е.Гайдара, что в Россию как на «историческую родину» должны прибыть 7-8 млн. русских, которые помогут поднять российскую сельскую глубинку, не оправдалась. Приехало гораздо меньше, в основном горожане, которые почти никогда не переселяются в сельскую местность, если только не на временное жилье. Каковы перспективы иммиграции, сказать сложно, но Россия останется принимающей страной по ряду причин, и прежде всего по этнокультурным и экономическим показателям. Причем в страну будут мигрировать не только этнические русские, украинцы, белорусы и татары, но и представители народов Средней Азии и Закавказья, если не будут введены миграционные квоты.

Примечательным в демографической ситуации является устойчивое соотношение между городским и сельским населением на протяжении всего десятилетия (73 и 27%). Плохо это или хорошо? Скорее плохо, ибо чем более развито общество, тем меньше людей должно быть занято в сельском хозяйстве. Модернизация — это прежде всего урбанизация, и этот процесс замедлился после 1989 года в значительной мере из-за отсутствия настоящей аграрной реформы и более конкурентной среды на рынке труда в городах. Последнее удерживает сельчан от когда-то легкого шага к пополнению городской «лимиты». Как сказал мне мой молодой сосед по рязанской деревне Алтухово, «уехал бы, но теперь в городе с работой тоже плохо, а квартиры вообще перестали давать».

Столь же стабильным (47 и 53%) оставалось на протяжении последнего десятилетия соотношение мужчин и женщин. Эта достаточно большая диспропорция представляет собой негативное явление, но в предыдущие десятилетия положение было не лучше. Причина диспропорции не столько в особенностях биологического воспроизводства населения, сколько в более высокой смертности среди мужчин по социальным причинам (алкоголизм, курение, травматизм, убийства).

За 10 лет произошли существенные изменения в пространственном движении населения. Общая интенсивность внутренних миграций снизилась из-за экономической нестабильности и прекращения практики оргнаборов на грандиозные стройки в периферийных регионах. Зато частные интересы людей опять же пришли в противоречие с политическими установками и наивными прожектами. Речь идет о слабой заселенности Севера, Сибири и Дальнего Востока. На самом деле усиленное заселение неблагоприятных для проживания людей арктических и субарктических районов страны в предшествовавшие десятилетия носило характер непрямого насилия (через романтическую пропаганду, «длинный рубль», сохранение московской прописки). Начавшаяся в конце 1980-х годов «человеческая конверсия» Севера стала вполне нормальным явлением к неудовольствию огромной армии чиновников и торговцев, занятых «северным завозом».

В основе этот процесс носит благотворный характер: россияне переезжают в местности с более благоприятным климатом, где могут легче (дешевле) и дольше прожить, снижается нагрузка на хрупкую природную среду и сохраняются важные ресурсы для будущих поколений, открывается больше возможностей (в том числе и благоустроенного жилья) для остающегося на Севере населения, а тем более для аборигенных жителей, для которых эта среда является родной. В Южной Сибири и на Дальнем Востоке складывается несколько другая ситуация: тут возможны и даже необходимы действительно массовое заселение и новое освоение. Причем не только через индустриальные метапроекты (охрана среды и ресурсов здесь столь же актуальна), но и через своего рода систему гомстедов, т.е. наделение граждан за символическую плату участками земли.

Кстати, в сибирских и дальневосточных регионах естественная убыль населения меньше, чем в среднем по стране, а в некоторых районах сохраняется естественный его рост (Алтай, Тюменская обл., Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа, Тува, Таймырский, Усть-Ордынский Бурятский, Агинский Бурятский автономные округа, Якутия, Чукотский автономный округ). По нашим оценкам, за последние 10 лет численность аборигенных народов Севера и Сибири не уменьшилась, а некоторых даже увеличилась. Принятие в апреле 1999 г. Закона «О гарантиях прав коренных ма-

лочисленных народов Российской Федерации» даст мощное пополнение этих групп за счет потомков смешанных семей и культурно ассимилированных граждан. Воспаленная риторика о вымирании северных народов беспочвенна, хотя коллапс системы государственного патернализма и разгул нового предпринимателя (от охотника-«европейца» до нефтегазовых корпораций) создали огромные проблемы для сохранения систем жизнеобеспечения и самобытной культуры аборигенных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Этнический процесс и этническая процессуальность

В России этнический аспект демографии наиболее чувствителен по причине не столько самого факта культурного многообразия, сколько длительного опыта огосударствления этничности. Здесь политические спекуляции неимоверны, а в оценках ученых господствует старая схоластика. Во-первых, в стране сохраняется старая практика жесткого и официального деления граждан на народы, или национальности, и поэтому этническая статистика играет политическую роль точно так же, как и сохраняющаяся расовая статистика в США, хотя именно американское академическое сообщество успешно инициировало отказ от понятия «раса» как научной категории. Во-вторых, остается клише: сколько «наций и народов» живет в том или ином месте или работает на том или ином заводе — и этот подсчет ведется навязчиво не только через переписи населения, но и через кадровые и жэковские анкеты. В-третьих, так называемая национальная структура (имеется в виду этнический состав населения) — это часто единственное средство для обоснования этнократического правления и политической мобилизации граждан.

Трудно сказать, что является нормой или позитивным процессом в этнической демографии, но одно бесспорно: сохранение этнического многообразия страны. Не существует некой оптимальной пропорции между этническими группами, составляющими одно государство. Возможно, спокойнее ведут себя этнически однородные страны, но таковых в мире почти нет. Более проблемными являются государственные образования, где имеются две-три равные по численности группы, каждая из которых претендует на контроль цен-

тра. Самый распространенный вариант — страны с одной демографически и культурно доминирующей группой и группами меньшинств. К этой категории относится и Россия. Естественно, что нет ни одного государства с жесткой номенклатурой этнических общностей и в каждом государстве имеются процессы ассимиляции обычно в пользу доминирующей культуры. Для России это русская культура и русский язык, а если говорить точнее — российская культура на основе русского языка.

К чести нашей страны, ни в прошлые десятилетия, ни в годы трансформаций не произошло того, что называют «вымиранием» народов. Даже самые малые группы, в том числе и северные народы, за последние годы сохранили или увеличили свою численность. Причем следует учитывать, что численность этнической группы меняется в результате не только естественного движения населения (рождаемость и миграция), но и смены идентичности. В начале процесса перемен мне представлялось, что к переписи 1999 г. самую большую демографическую потерю понесут русские из-за снижения престижности быть русским, особенно в пределах этнотерриториальных образований (республик и округов). Но этого не произошло, по крайней мере, в драматической форме: считаться русским для потомков смешанных браков продолжает быть более (или в равной мере) престижным даже в российских республиках. В Татарстане, например, в последние годы дети из смешанных татарско-русских семей записывались примерно поровну в ту или другую группы. Не произошло и резкого пополнения числа евреев и немцев за счет тех, кто считался русскими, хотя этого можно было ожидать по причине эмиграционных предпочтений.

После 1989 г. большинство крупных российских народов, в том числе русские, башкиры, татары, чуваша, буряты, кабардинцы, коми, кумыки, тувинцы, удмурты, имели нулевой или незначительный рост численности. Уменьшилась абсолютная численность украинцев, белорусов, мордвы, российских немцев, марийцев, казахов, евреев. Высоким по сравнению со средними показателями по стране был рост численности у армян и осетин (за счет мигрантов), у якутов и у народов Северного Кавказа, особенно у народов Дагестана (за счет естественного прироста). Самый высокий рост численности среди населения беднейших районов страны говорит о том, что так

называемое вымирание народов никак прямо не связано с состоянием условий жизни. Более того, исчезновение народа (факт очень распространенный, но в России редкий) означает не депопуляцию или физическое исчезновение представителей определенной культуры, а смену носителями культуры этнической идентичности.

Хорошо или плохо, что демография периода трансформаций отмечена более быстрым ростом численности северокавказцев, а значит, сокращением доли русских (кстати, татар и чувашей также) в общем населении страны? К сожалению, это вопрос скорее спекуляций и профессионально его никто не осмелится обсуждать⁴. Какова доля русских в стране — не вопрос жизненной стратегии государства. В дореволюционной России и в СССР русские никогда не составляли более 55%, но государство существовало и распалось не по этой причине. Сейчас по доле самой большой этнической группы — русских — Россия почти такая же моноэтническая страна, как и Китай, где кроме 90% ханьцев имеется не менее 100 млн. представителей разных национальностей. Подавляющее демографическое господство одной группы мало что дает для крепости государства, ибо даже 1% населения и территории, который составляют чеченцы и Чечня в России, способен стать базой вооруженной сепаратизма и масштабной войны. Действительной проблемой является высокая рождаемость в горных дагестанских и других северокавказских селах, где недостаточно ресурсов, а завышенные социальные ожидания и неприятие бедности вызывают напряженность, конфликты и выход граждан из правового пространства.

Демография зависит от бюрократической и статистической процедуры. В фиксации этнического это особенно важно. Когда меня спрашивают, сколько народов живет в России, или когда я слышу очередную цифру, выученную политиком, то отвечаю: «В России живет столько народов, сколько Вам хочется». Культурных идентичностей людей существует много, равно как и языковых различий, особенно если перевести некоторые языковые системы коммуникаций людей из разряда диалектов в разряд языков. Эти идентичности многоуровневые и не взаимоисключают друг друга, они могут носить местно-общинный (карамахинец), локально-этнический (тоджинец, андиец), национально-этнический (аварец, даргинец), регионально-культурный (дагестанец, татарстанец, якутянин), куль-

турно-гражданский (россиянин) характер. Это не разные общности в смысле членства (глубокое заблуждение отечественной экспертизы), а оформляемые человеком коалиции, по которым его самосознание совершает дрейф лояльности или может пребывать во всех металлических ипостасях одновременно. Стоило поменять процедуру фиксации мордвы, как для будущих ученых — сторонников теории этноса и этнических процессов — «вымер этнос» или совершилась «парцелляция этноса»: вместо мордвы появились эрзя и мокша, а мордва осталась только за пределами Мордовии. На самом деле в этнокультурном профиле представителей данной группы ничего не изменилось, кроме некорректной формулировки статистиков. В России остались и продолжают жить граждане, которые в местном сообществе проводят между собой довольно четкое (основанное на языке) различие, а во внешнем окружении ощущают себя мордвой, в том числе и по той причине, что воспринимаются другими как мордва, а не эрзя или мокша.

Многоуровневая и подвижная культурная идентичность в условиях идеологической либерализации и цветущего этнонационализма — это новая реальность, и в будущем могут появиться десятки «новых этносов»: людям будет интересно или важно по какой-то причине считать себя булгаром, аланом, помором, калмаком, сойотом и еще кем-то, о чем он прослышал в семье, подсмотрел в семейных фото, прочитал в книге или услышал на митинге. Это значимый для людей и науки процесс, но только государство должно меньше всего лезть в него с бюрократической процедурой, а тем более с кадровой анкетой. В целом же период реформ в России связан с некоторыми серьезными демографическими проблемами (прежде всего относительно высокая смертность, особенно среди мужчин и детей), но ни одна из них не может квалифицироваться как катастрофическая.

Пища, одежда, жилище

Каждый антрополог знает, что пища, одежда и жилище — это три столпа материальной культуры, а состояние здоровья — основной показатель уровня модернизации общества. Этими категориями далеко не ограничивается жизнь современного человека, ибо есть

еще огромный мир других используемых вещей и услуг, как и мир ощущений и духовных ценностей. И все же основное население живет повседневными заботами материального обеспечения, которые лежат в основе уровня и качества жизни. Некоторые вопросы постсоветской материальной культуры заслуживают внимания.

На протяжении всей истории России ее население (за исключением южных районов) имело достаточно небогатую кухню со скромной пищей, в которой был явный недостаток витаминизированной углеводной пищи, прежде всего фруктов. Свои первые в жизни апельсин и банан я съел, уже будучи студентом МГУ, ибо в небольшом уральском городке, кроме яблок и новогодних мандаринов, фруктов не продавали. Сегодня в этом городке, которому очень далеко до экономического процветания, все те же азербайджанцы обеспечивают хороший рынок основных фруктов и фруктовых соков, которые жители регулярно покупают (иначе бы не привозили!). Абсолютно новый и огромный по своим размерам ввоз в страну фруктов внес историческое изменение в структуру питания россиян. Безусловно, увеличилось потребление рыбы, даже если официальная статистика не показывает этого по причине «внесистемной» добычи и продажи этого продукта. Увеличилось потребление сыров и колбасных изделий (опять же в основном за счет импорта), и население уже забыло времена плавленых сырков «Волна» и буфетных сарделек.

Снижение потребления мяса, молока и яиц мало о чем говорит, как и общее снижение потребления продуктов питания. В последние десятилетия население страны не страдало недоеданием. Иначе не было бы на порядок больше по сравнению с дистрофиками людей с излишним весом. Люди страдали от несбалансированной структуры питания, однако если этот дисбаланс выравнивается не только за счет сокращения общего потребления продуктов (в некоторых семьях, например, практически прекратили покупать яйца), но и расширения при этом ассортимента потребляемых продуктов, то этот процесс скорее носит позитивный характер.

Не менее важным является изменение в системе организации питания. Современный человек готовит и потребляет пищу не только дома, но и из через общественные системы питания. Еще 10 лет тому назад огромной проблемой для небогатого гражданина было

пообедать на Невском проспекте в Ленинграде или на ул. Горького в Москве, не говоря уже о провинциальных городах. Унизительные очереди в грязные уличные пельменные, рабочие столовые и институтские буфеты отнимали время и здоровье. Рестораны служили не для того, чтобы поужинать, а чтобы «гульнуть». Сегодня ситуация с «общепитом» совсем иная. Резко выросло общее число ресторанов и кафе, не говоря о новой культуре уличных продуктовых ларьков и палаток, одиночных частных торговцах разной едой на улицах и дорогах. Впервые в таких масштабах люди в России стали есть и пить за пределами дома, и это — огромная перемена в народной культуре.

Еще одна разительная перемена в жизни людей за последние годы — радикальное расширение используемых предметов быта и социальных благ. Номенклатура используемых человеком предметов для повседневной жизни (так называемые вещи) — это крайне важный показатель сложности и степени модернизации общества. Хотя количество окружающих и используемых человеком вещей необязательно определяет мораль и ценности общества и делает человека счастливым, все же в целом это так. Безусловно, чем больше человек использует в повседневной жизни вещей, тем лучше качество этой жизни, даже если в некоторых культурах, как, например, в японской, можно встретить иную мораль, что, кстати, неравносильно реальному поведению. Особенно это касается быта, что прямо связано с комфортом, гигиеной и здоровьем людей. Некоторые перемены в этом плане могут казаться малозначимыми, тем более, что они не столь связаны с макроэкономическими успехами и личными средствами. Если за последние 10 лет миллионы людей стали пользоваться туалетной бумагой, а не смятой газетой, чистить зубы (оказывается, бывают щетки мягкие, средние и жесткие!) набором из нескольких паст, пользоваться шампунями (для разных волос, для взрослых и детей, с ополаскивателем и без него), то только одно это принципиально изменило бытовую культуру к лучшему.

Недовольство некоторых по поводу телерекламы женских прокладок, жевательной резинки и памперсов не должно заслонить факт огромной перемены в бытовой гигиене. И таких внешне малых, но крайне значительных новаций в бытовой жизни россиян произошло больше, чем в какой-либо предшествовавший историче-

ский период. За последние 10 лет люди узнали и освоили сотни новых вещей и услуг — от уже упоминавшихся до технологически сложных бытовых новаций (стиральные машины-автоматы, телефоны с автоответчиком и мобильные, обогревательные приборы, печи-ВЧ, цветные телевизоры с дистанционными пультами и многое другое). На Ленинском проспекте из встречающихся на пути 10 рекламных щитов все относится к товарам и услугам, о которых стало известно только в последние 5-7 лет.

Еще 10 лет тому назад подавляющее большинство советских семей пользовалось крайне ограниченным набором жизненных вещей, не зная о существовании многих из них или не будучи способными их «достать» (именно достать, а не купить!). Информация о существовании используемых человеком вещей поступала из узкого круга источников: полки магазина, подсмотренная на телеэкране «другая жизнь», знакомые и друзья, поездки «в город» или за рубеж. Стремление приобрести и пользоваться многими вещами в силу высокой грамотности населения при ограниченных формах социальной самореализации (работа, семья, квартира, ежегодный регулярный отпуск) было огромным, и потенциальная идеология потребительства у советских людей была не ниже, а даже выше, чем в других даже более состоятельных обществах. В 1960–1980-е годы эта идеология с огромной энергией и изобретательностью утверждалась в частных стратегиях людей. Обшарпанные подъезды и захламленные лестничные клетки скрывали за дверями квартир обустроенной жилье с приличной мебелью, хорошим набором посуды и вполне сносным гардеробом. Жилье моих зарубежных коллег — молодых ученых-обществоведов, которых я посещал четверть века тому назад в США, Канаде, Мексике, Великобритании, ГДР, Венгрии, мало чем отличалось от моей московской малогабаритной квартиры в Измайлово.

Одержимость обустройством, скромная красота и чистота были разительными по сравнению с загаженностью пространства, начинавшегося за квартирной дверью. Именно здесь лежала впечатляющая грань между миром частного, личного и миром общественного, вернее, государственного, а значит,ничьего. Советский человек был очень частным человеком и именно это обстоятельство пропустила наша экспертиза, увлекшись анализом мира пропаганды и верху-

шечных установок. Советский человек даже на Первомайскую демонстрацию или на избирательный участок ходил с удовольствием не просто «по зову сердца» в смысле политическом, а чтобы надеть и показать новый наряд («это я надена на майские праздники») или приобрести дефицит в школьном или клубном буфете.

Что действительно отличалось от более обустроенных обществ, если говорить в масштабе всей страны, так это сохранявшиеся в больших городах коммунальные квартиры и частное жилье малых городов и сел. Здесь жилое пространство было явно ограниченным, быт неустроен, а требовавшиеся для жизнеобеспечения усилия — неимоверными (ежедневные дрова для печки, вода из колодца и пр.). Здесь фактически был «третий мир», но не афро-азиатская нищета, а тот, который можно наблюдать в изобилии во многих странах мира, особенно в Северном полушарии, где в бедных деревнях Ирландии, Испании, Греции, не говоря о Восточной Европе, жизнь остается достаточно скудной и некомфортной.

Узнавая из этнографических описаний о традиционном русском жилище я иногда думал, что «пятистенка» с русской печью — это надолго, если не навсегда (климат, историко-культурная привычка и пр.). Даже еще 10 лет тому назад, проезжая по российским дорогам, можно было наблюдать, как граждане, располагавшие средствами, строили кирпичные дома в деревнях и малых городах, фактически повторяя русскую избу по параметрам и архитектуре. В большинстве же своем индивидуальное жилье в 1960–1980-е годы почти не строилось.

В России подлинная перестройка в социокультурном смысле началась не с торговых кооперативов или с московских политических манифестаций. Она началась с изменений в отношении к жилью и к вещам, и в этом смысле перемены носят глубокий и, безусловно, позитивный характер. По всем стандартам жизненного благосостояния основным считается жилье, его размеры и благоустроенность. В 1960–1980-е годы в СССР строилось много городского многоквартирного жилья и крайне мало — частных домов. За последние 10 лет в России построено больше домов, чем за весь послевоенный период. В российских деревнях сегодня каждый третий дом — новый. Граждане преодолели серьезный культурный барьер в представлении о жилище, и после многовекового бытования на

смену одно- или двукамерному жилищу пришел дом с более крупными параметрами, многоуровневый, с несколькими комнатами, а также с встроенным в жилище туалетом.

В целом россияне построили столько новых домов, сколько их не было построено за предыдущие 40-50 лет! В стране наблюдается бум производства строительных материалов: и по обочинам дорог, и в городах на целые кварталы распростерлись рынки по их продаже. Помимо действующих закуплены за рубежом и запущены сотни кирпичных заводов. Текущая госстатистика жилья мало о чем говорит, ибо не учитывает загородное строительство и многие другие факторы (новые пристройки, многоквартирное частное жилье). Но даже эта статистика свидетельствует о том, что общая площадь жилищ в стране увеличилась с 2,1 млрд. м² в 1985 году до 2,7 млрд. м² в 1997 г. Причем частный фонд увеличился не в 2 раза, а на самом деле во много раз, если считать все построенное гражданами жилье.

Люди получили бесплатно или купили по мизерным ценам миллионы новых земельных участков и научились строить более просторное и комфортное жилье, в котором население за всю историю страны не проживало. Еще 10 лет тому назад раму для арочного окна было сделать некому и кроме наличников и железных петушков на печных трубах никакие архитектурные украшения не использовались. Сейчас большинство новых домов, как сельских, так и дачных, обставлено солидной мебелью, над всеми домами — телевизионные антенны и рядом с ними — автомобильные гаражи. Поразительно, как политизированная отечественная экспертиза пропустила или намеренно не замечает факт почти всеобщей автомобилизации. Около 30 млн. произведенных и привезенных автомобилей означают, что каждая вторая семья располагает транспортным средством. Удивительно, что из-за политических установок не замечается происшедшая в стране автомобилизация.

Безусловно, процесс создания основы благосостояния людей — жилья — сопровождается уродливыми явлениями, которых можно было избежать и еще придется исправлять. Вместо массы вычурных журналов по домоустройству нужно было объяснять, что настрой на эпизодическую дачную жизнь в дорогих и больших домах — это неправильная стратегия и противоречит нашим климатическим условиям. Городское население вбухало миллиарды долларов в заго-

родное жилье, которое не имеет коммуникаций, которое невозможно отопить зимой и в котором работающая семья с детьми постоянно проживать не может из-за отдаленности от места службы и отсутствия рядом школы и больницы. Конечно, было бы лучше строить все эти комфортные дома в городской черте, и сейчас бы города выглядели лучше и потребность в квартирах была бы меньше. Но примитивная мечта советского человека о даче и нежелание городских властей предоставить землю для частных домов (столько их сносили, чтобы построить многоэтажки!) оказались сильнее.

К социальным издержкам в целом положительного сдвига в создании людьми и государством нового жилья можно отнести суетность тех, кто много заработал или украл и поспешил это продемонстрировать перед миром, чтобы утвердить и возвысить себя среди других и потешить себя бильярдным залом и ванной-джакузи, в которую нерегулярно течет ржавая вода. Большинство этих домов-монстров не функционирует, и перспектива их полноценного использования неясна, как и большинства миллионов новых дачных построек. Работающие горожане жить в них не смогут, а новому эффективному селу они в таком количестве не нужны. Видимо, это останется памятником нашему неправильному социальному планированию, отсталому менталитету и неразвитой городской антропологии.

О государстве и проблеме лояльности

Политическая антропология, в том числе и отечественная, много сделала для изучения ранних форм государствообразования и понимания символично-статусной и инструментальной природы власти. Но эта традиция не отвечает потребности осмысления новых явлений и потребности понимания базовых структур организации общественной жизни в современном процессе. Отметим только несколько моментов «провала» в понимании того, что есть государство.

В ходе человеческой эволюции люди создают различные коалиции для обеспечения наиболее благоприятных условий своего социального существования. В современную эпоху и на видимую перспективу самой мощной и всепроникающей формой социальной группировки людей является государство. Государство — не боже-

ственный промысел и не вечно, но оно существует достаточно долго и тем самым обретают историческую легитимность как дополнительный аргумент своего функционирования. Однако существование государств обусловлено все же не историей, а тем, что каждое новое поколение граждан делает (или повторяет) выбор в пользу данного государства, идентифицирует себя с этим государством и демонстрирует ему свою лояльность. Государство — это не только охраняемая границами территория, фиксированное членство и набор институтов, правил и символов, но и наличие в сознании его граждан общеразделяемого представления о том, что есть данное государство (или страна), или своего рода «доминирующая идея». Если у данного поколения нет такого доминирующего образа страны, то фактически нет и государства или же оно пребывает в состоянии «квазигосударства». Видимо, только более глубокое объяснение недостатка общегражданской лояльности как компонента культуры поможет лучше понять причины распада СССР и отчасти кризис государства в России, а не облегченные формулы «распадающейся империи» или «заговора», хотя личностный момент и борьба элит за власть и ресурсы имели, на наш взгляд, решающее значение.

Возникновение и исчезновение государств не определяются детерминированными закономерностями или установленными глобальными, а тем более внутренними нормами. Ни одно государство не прописывает процедуру своего упразднения. Не делает этого и международная норма. В современную эпоху закончившегося «государствления» Земли этот процесс происходит в результате волеизъявления силовыми средствами или в итоге элитных выборов и решений, которые могут оформляться массовой мобилизацией в их пользу в разной форме или не оформляться вообще. Мировое сообщество, под которым чаще всего имеется в виду евро-американский мир, его коалиции и ценности, легко признает процесс государственных новообразований за своими пределами и даже ему содействует, если он происходит через дробление, а не укрупнение государств и тем самым не грозит их экономическим и другим интересам.

Современные государства так же уязвимы, как и в прошлом, ибо склонны к соперничеству за ресурсы и к навязыванию тех норм

и правил, по которым они живут сами или которые им представляются как универсальные. И все же главные вызовы государству сегодня находятся внутри самих политических сообществ. Важнейшим моментом для существования общей лояльности (на бытовом языке — «любви к родине» и т.п.) являются условия социального преуспевания, которые создаются данным государством и для чего люди образуют, принимают и защищают свое государство. Эти условия могут быть далеко не самыми плохими, но восприниматься как таковые в результате навязываемого мнения непредставительного меньшинства при слабой компетенции индивидуального сознания и даже внешней пропаганды. Ситуация в России последних лет с этой точки зрения в отечественном обществоведении фактически не рассматривается, хотя в ней — ответ на многие мучительные вопросы.

Формально как все бывшие члены ООН (в том числе СССР, Югославия, Чехословакия и ГДР), так и нынешние постсоветские государства являются легитимными государствами, ибо оформлены приемлемыми внутренними и внешними процедурами. Однако сам факт существования этих государств требует постоянного подтверждения, в том числе и на уровне как повседневного внутреннего референдума, так и академических предписаний. Применительно к России ситуация оказалась наиболее сложной, ибо ее больше всего затронула своего рода «революция двойного отрицания», когда вместе с демонтажем политического режима и его идеологии, которая, кстати, включала мощный компонент государственного (советского) патриотизма, оказалось отринутым и само государство и даже жизненная повседневность на протяжении десятилетий. Многообразие прошлой общественной жизни и противоречивые результаты советской политики, в том числе и в так называемом национальном вопросе, оказались редуцированными к литературным версиям «манкуртизации», «народоубийства» и т.п. Применительно к современному состоянию доминирует версия о «криминальном государстве» и «разбойном капитализме», которая также отрицает легитимность государства уже в его новой конфигурации.

Своего рода уходом от заботы о признании государства и его обустройстве как в экономике и политике, так и в ментальном конструировании являются метадебаты об уникальности России, рос-

сийской или евразийской цивилизации, российском суперэтнотосе, разных вариантах географического и культурного детерминизма, а также одержимость пропагандой «многонациональности» при третировании общероссийской культурно-языковой и ценностно ориентированной общности. От ученых, а не от политиков идут первичные предписания считать «родным» языком не материнский язык, язык дома и общения, а тот, который совпадает с паспортной записью о национальности. От ученых, а не от политиков поступают наставления гражданам, что шаманизм и язычество есть их «настоящие», «традиционные», «национальные» религии, а не та вера, которую приняли их предки 100, 200 или более лет тому назад. От ученых, а не от политиков поступают археологические, физико-антропологические и архивные данные о том, что часть владельцев домов на одной и той же улице живет на «своей этнической территории», а часть — не на своей. Из тех же академических постулатов родились доктрины «своей» государственности или «безгосударственности», хотя в пределах России все имеют общее государство и у каждого есть паспорт на правовое подтверждение этого факта. Российские республики-государства также существуют в равной мере для всех, если граждане сами не позволяют их узурпацию со стороны представителей одной группы, как это имеет место, например, в Адыгее или Башкирии.

Западное академическое сообщество с энтузиазмом разделяет саморазрушительные язык и методологию российского обществознания. Казавшаяся когда-то несерьезной рейгановская метафора «империи зла» или поверхностная формула французского историка Каррера Дэнкокса о «распадающейся империи»⁵ ныне стали непрекращаемыми объяснительными концептами. Инерцию воинов холодной войны и энтузиазм молодых специалистов по «постсоветскости», чутко улавливающих потребности новых геополитических соперничеств, активно подпитывают наши же собственные подсказки о «криминальном государстве», о «мини-империи», о «многонациональной стране», о «своей» и «не своей» государственности внутри одной страны, о самоопределении «несамоопределившихся наций» и т.п. Из всего этого рождается образ России как чего-то не свершившегося, как некой «ничейной территории» (*terra nullis*), открытой для новых геополитических дизайнов.

Эти метадебаты представляются достаточно радикальным разрывом с сознанием молчаливого большинства, тех самых «дорогих россиян», которые некоторым ученым и политикам представляются эвфемизмом наподобие «марсиан». Действительно, как заметил Глеб Павловский, в 1991 г. было выкрикнуто слово «Россия» в виде советской республики РСФСР — государство не очень понятное и плохо продуманное. В этом смысле Россия состоялась сначала как акт речи, но именно он быстро обрел реальность. В этом нет социально-культурной аномалии, ибо равным образом состоялись и другие современные государства («мы сделали Италию, сейчас будем делать итальянцев», как говорили вожди объединения). Рядовые граждане приняли новое государство, ибо вопрос о государстве для них — это не вопрос трудно разделяемого элитой символического и ресурсного наследия, а вопрос о тех новых возможностях для личной жизни, которые ожидаются за новым государственным обозначением территории, где они жили и продолжают жить.

У обывателя, в том числе и просвещенного интеллигента, нет государственного мышления в его повседневном варианте. Его государство там, где лучше или где привычнее. Постулат, когда-то высказанный акад. Абалкиным, пребывавшим в поиске национальной идеи, что служение стране и нации должно быть выше личного интереса, является, строго говоря, ненаучным. Ни один человек, включая академиков, ни одного дня в своей жизни по этому принципу не прожил и жить не должен, за исключением особо распропагандированных энтузиастов. Даже чеченские комбатанты преследовали вооруженной борьбой достаточно утилитарные и частные интересы под лозунгами национального самоопределения.

Таким образом, если российские граждане, в том числе и чеченцы, не побросали свои паспорта (неважно, что они еще советского образца) и не выбирают массовую эмиграцию из страны, значит, они принимают свое новое государство, какие бы интерпретации ни предлагали от имени народа активисты социального пространства. Случившееся государство под названием Российская Федерация есть свершившийся факт, и все рассуждения в обратном направлении — плохая услуга этому государству (в морально-политическом плане) и разрыв с реальностью (в научно-академическом смысле). В равной мере существует и российское согражданство, гораздо более

гомогенное, чем в большинстве государств мира, но об этом мне уже приходилось писать неоднократно⁶.

Другое дело, что есть проблема кризиса и меняющихся идентичностей, особенно диалог между прошлой советской и нынешней российской лояльностью, который фиксируют многие этнологи и социологи. Однако в последнем мне видится некоторая академическая форма преувеличения проблемы, в методике исследования которой мы не всегда улавливаем элемента заданности самим вопросом: это своего рода вариант школьного сочинения на заданную тему. Наблюдения повседневности не улавливают, чтобы наши граждане ложились спать (если только они не дождались опроса-пародии в программе «Времечко») и вставали утром с подобными вопросами или терзали ими своих сослуживцев.

Современная российская антропология должна сделать предмет своего интереса социально-политическую и сложнокультурную общность россиян. Именно сложная (гибридная) культурная целостность, «негомогенное целое» (выражение М.М. Бахтина), а не абстракция «межнациональных отношений» и даже не «многокультурность» заслуживают настоящего внимания и научной реабилитации.

Антропология власти, или феномен «племени на холме»

Жизнь на Боровицком или на Капитолийском холме — это в основном профессиональное занятие политологов. Однако культурный аспект феномена власти не менее важен и интересен. Власть как право и способность определять социальное пространство других — это глобальное антропологическое явление. Власть исполняет не только важнейшую общественную функцию, но и есть поле соперничества людей за материальные вознаграждения властвования и удовлетворения людьми гедонистических устремлений. Власть ее носителю приятна и полезна; желающих властвовать в обществе всегда гораздо больше, чем желающих быть управляемыми. Поэтому негативный смысл слов «рваться к власти», с научной точки зрения, бессмыслен, как вредно пренебрежительное отношение к власти и тем, кто у власти. Задача антрополога — понять и объяснить власть, в том числе и для самих властвующих. В этом

плане новое российское знание серьезно отстает от потребности, а старое советское знание этими вопросами фактически и не занималось, ибо советская власть во многом носила сакральный, а не только профанный характер и академическому скальпелю не поддавалась.

Здесь есть целый ряд свежих проблем. Одна из них — это делегирование во власть и выход из нее. Нам тут интересны не столько правовые нормы и другие механизмы, сколько поведение особого человеческого материала, вернее мутации человеческого материала в системе властных отношений. Открывшийся для более широкой состязательности и внешней экспертизы домен власти в России оказался достаточно неожиданной научной задачей и породил ряд поверхностных взглядов, которые в свою очередь привели к «ошибкам власти». В частности, утвердился и сохраняется постулат «честной» и «нечестной власти», когда имеют в виду, что во власть попадают жулики и взяточники и от этого — многие российские беды. Число не оправдавших надежд политиков множится с каждой новой сменой когорты властвующих, и уже это заставляет усомниться в верности исходной посылки приоритета положительной моральности человека во власти. Не дает ответа на вопрос и рецепт сделать властвующих достаточно состоятельными людьми, чтобы они не воровали, хотя действительно нищие политики порождают и нищую политику.

Вопрос честной власти в России — это прежде всего вопрос правил и контроля, а уже потом вопрос моральных внутренних регуляторов и внешних моральных воздействий. Поскольку власть — это одна из самых престижных и значимых для общества профессий, рекрутирование в нее происходит трудным и сложным селективным путем. Как и в племенном обществе, этот процесс основан на компетенции, авторитете, силе и богатстве в различных сочетаниях значимости и использования этих факторов. Но те, кто приходят во власть, будучи специфически отборным человеческим материалом, обладают завышенными запросами и ожиданиями. Они способны к рациональной саморефлексии: «Я управляю такой богатой страной (краем, отраслью, компанией)» или «Я так много делаю для страны (республики, народа, института)», что имею право жить лучше и даже богато.

Интересна в смысле правильности (как общего правила) сентенция Коржакова в его мемуарах: «Ни у кого никогда я не брал подарков. Мне предлагали кредиты, я отказывался. Мне предлагали готовую дачу, я отказывался... И тут я впервые подумал: завтра он (Б.Ельцин. — В.Т.) меня вот так же, как сейчас предаст, и останусь я не только поруганным, но и нищим»⁷. В России это всеобщее правило обрело особые формы приватизации принадлежащих государству собственности и ресурсов через власть или через приближенность к власти. В народной метафоре и на языке политической оппозиции данный процесс получил обозначение «разграбление страны» или «ограбление народа». В значительной мере это оказалось возможным в силу безгласности основного населения в эпоху, получившую обозначение «гласность».

По этой причине усилия антропологов-специалистов по власти, а вместе с ними и более широкой общественности должны быть направлены не столько на бесполезное морализаторство, сколько на установление пределов обеспечения материальной состоятельности властвующих, в том числе в зависимости от материального положения самих управляемых. Новая российская власть действует по принципу полезных аналогий и заимствований. Посещая Капитолий, российские законодатели видят многочисленный штат помощников у своих коллег, но не замечают их личных автомашин (без водителей) на платной парковке у здания парламента. Они хотят таких же просторных служебных офисов, но не спрашивают про арендуемые или покупаемые конгрессменами квартиры в Вашингтоне.

Именно разрушение старых и отсутствие новых правил и общественного контроля позволили российским властвующим создать симбиоз старых и новых привилегий, которые обрели внешне неприличней, но, к сожалению, терпимый избирателями и налогоплательщиками характер. В этом смысле власть такая, как и мы сами, — это наше отражение. Задача экспертного сообщества — способствовать выработке ограничителей запросов власти и просвещать в этом направлении остальное общество.

Властвующие почти всегда составляют горизонтальные корпорации или неформальные сети, чтобы через солидарность держать власть и иногда отпирать непосредственные функции управления. Даже в советское время система номенклатуры держалась не только

на жестких правилах отбора через партийную и хозяйственную службы, но и через клановые сети, выстраивавшиеся по региональному, профессиональному или этническому принципам. Даже первое поколение большевиков, пришедших к власти в 1917 г., опиралось на солидарность замкнутой группировки лидеров, связанных с деятельностью в Кавказском регионе⁸. Позднее неформальные связи строились на основе выпускников партийных школ или совместной работы, а в период радикальной смены политического поколения — и на основе идеологических установок. Эти сети, их особый язык, символика и ритуал изучаются слабо, хотя их роль чаще важнее институциональных связей, а их сила — выше закона.

Имеется и особая культурная специфика образов российской власти и властных иерархических взаимодействий, которая во многом оказалась заимствованной из старой системы статусных привилегий и символов. Это — градация особых номеров служебных автомашин, служебных пропусков (вплоть до «вездехода»), количество охраны, месторасположения дачного дома и т.п. Нецензурная речь и особенно ритуально-рутинное потребление алкоголя — это уже не просто культурологическая, а социально-политическая проблема, выходящая на уровень вопросов национальной безопасности. Фактически решения по Чечне, как политические на высшем уровне, так и военно-полевые, принимались в стране людьми, находившимися в состоянии алкогольной интоксикации.

Есть проблема амбиций и самонадеянности власти, также доставшаяся в наследство от периода «слуг народа». Только вместо строгой иерархии и культа вождя, за которым было высшее и последнее слово, возникли множественные центры власти и многие вожди, каждый из которых узурпировал избирательный или другой механизмы для собственной легитимизации и персональной свободы действий. Особенно это заметно в заимствовании новых или возрождении старых обозначений для «первых лиц» разного уровня. Так, в России появились «президенты» и «губернаторы», чтобы иметь возможность сказать: «Я и мой народ», как это стал делать одним из первых президент Северной Осетии Ахсарбек Галазов, а за ним последовали и другие.

Если говорить о проблемах политической антропологии в современной России, то есть еще ряд важных моментов. Это состоя-

ние компетенции правящего корпуса и экспертного обеспечения законодательно-правовых норм и управленческих решений. Это необоснованная или цинично политизированная эскалация низовой мифологии и несостоятельных доктрин на уровень официальных текстов и деклараций. Это проблемы гражданской ответственности властвующих и их «мягкого» выхода из власти.

Поведенческие нормы и духовная жизнь

Традиционное обществоведение анализирует в обычной дихотомии понятия «власть» и «народ». Однако общественная либерализация породила нового актора среднего уровня. Вместе с норвежским антропологом Фредериком Бартом⁹ под этой категорией я понимаю слой активистов, политических и этнических предпринимателей, действующих вне институциональной власти и системных отношений. Это также новое явление со своей древней и современной культурной спецификой. Здесь есть узурпация коллективной воли тех, от имени которых действуют активисты. Как правило, это лидеры (легитимные и самозванные) групп меньшинств, в том числе этнических и религиозных. Достаточно юридически зарегистрировать реальную или мифическую организацию под названием Союз мусульман России и сразу стать «лидером мусульман» в стране. Современное самозванство (от «академиков» и «человеков года» до «национальных лидеров») — крайне интересная черта ментальных приватизаций российских граждан, которые обнаружили, что можно гораздо больше, чем было долгое время позволено. Кстати, этим (в основе своей советским) стремлением к статусности и иерархии довольно ловко пользуются авантюристы-предприниматели: за последние годы разные «нью-йоркские академии» и дарители дипломов и званий неплохо заработали на денежных переводах и взносах россиян, посылая им разного рода красиво напечатанные бумажки.

Можно иронизировать или гневаться по поводу того, что наряду с «настоящими» появились «ненастоящие» академики, можно ревностно оберегать узкий мир официальных привилегий и наград (как заявил Олег Табаков, прижимая врученный президентом ди-

плом: «Получали, получаем и будем получать»), но в целом символично-статусная сфера российской жизни стала существенно другой. Она лучше прежней, ибо свободнее и разнообразнее. Но это не значит, что нет проблем. Главная проблема — как статус и престиж, а также ресурсы, условно говоря, внесистемных (имея в виду старую систему) акторов сосуществуют с порядком и государственностью и насколько они признают последние. Здесь есть проблема политически корректных симпатий: почему один «внесистемный» активист с нашитыми на штаны казачьими лампасами получает кабинет в Кремле и входит в систему, а другого третируют или не замечают. Или же замечают и поддерживают откровенные внешние манипуляторы, чтобы разрушить легитимный порядок. Ибо именно на этом среднем уровне инициируются вызов статус-кво и даже массовый выход из правового пространства.

Что касается уровня «масс», то традиционный подход трактует его как инертный и больше всего страдающий. Здесь произошли не менее глубокие трансформации, которые подтверждают мое наблюдение, что способность общества к инновациям и модернизации гораздо выше, чем это представляют и замечают ученые, особенно отслеживающие макроуровни общественного процесса, или этнографы «традиционных общин». В стране произошла массовая приватизация времени и пространства и отчасти ресурсов (здесь круг гораздо уже). В последние годы россияне открывают внешний мир, хотя, к сожалению, за счет снижения интереса к собственной стране. Сейчас ежегодно выезжает за рубеж порядка 10 млн. чел., причем не за государственные 7 долл. в день, как в прошлом, а на собственные средства. Такого не могут позволить себе бразильцы или мексиканцы, которые, по официальной статистике, пребывают с россиянами примерно на одном уровне достатка.

Российские «народные массы» демонстрируют разительный прорыв в культурном производстве, которое и до этого относилось к числу приоритетных для человека и государства. Из этой сферы я возьму только образование, науку и высокую культуру. Здесь, пожалуй, сократилось только число дошкольных образовательных уч-

реждений (у родителей появилось больше возможности воспитывать детей дома за счет неработающих матерей). Все школы и вузы функционируют, и престиж образования не снизился, если судить по набору студентов и по более богатому выбору образовательных институтов. Число вузов с 502 в 1985 г. выросло до 880 в 1997 г., а число студентов — с 2,9 до 3,2 млн. за тот же период. В 1998 г. Россия имела рекордную численность студентов: 246 на 10 тыс. чел. населения.

Так называемый кризис науки, возможно, касается ряда естественных наук и военно-промышленных разработок, но к общественным наукам он имеет отношение только в плане кризиса теоретико-методологических основ, да и это касается больше начального этапа российских трансформаций. Риторика жалоб здесь (и не только здесь) скорее используется, чтобы сохранить государственное обеспечение, действующую систему организации науки и имеющиеся кадровые ресурсы. Это само по себе понятно, но к реальному кризису имеет условное отношение. За последние 10 лет Институт этнологии и антропологии РАН произвел научную продукцию, в 3-4 раза превышающую продукцию предыдущего десятилетия. Такая же ситуация в других гуманитарных институтах. В обществоведческий арсенал введено огромное количество новых и забытых имен ученых и осуществлены масштабные переводческие проекты. Новым и позитивным стала деятельность двух государственных научных фондов — РФФИ и РГНФ, через которые получает поддержку лучшая часть научного сообщества.

Мы не затронули целый ряд общественных сфер, где происходят или уже произошли глубокие трансформации, которые не замечаются или плохо интерпретируются. Но даже этот анализ позволяет сделать вывод, что *в России стало жить лучше, хотя и сложнее*. А «сложность», по точному замечанию критика Виктории Чаликовой, это «синоним человечности».

- ¹ Hann C.M. Socialism: Ideals, ideologies, and local practice. L., 1993, p. 12.
- ² Foucault M. Space, Power and Knowledge // The Cultural Studies Reader. Ed. by S.During. L.; N.-Y., 1993, p. 161.
- ³ Ἀδᾶοῖαῖοῦ ἐ δᾶἐδῶ. 1999. ¹ 41. Ἰ. 7.
- ⁴ Пример политизированных текстов низкого профессионального уровня: Козлов В.И. Трагедия великого народа. М., 1996; Национальные интересы русского народа и демографическая ситуация в России / Отв. ред. Е.Троицкий. М., 1997.
- ⁵ Carrere d'Encausse H. L'empire éclaté. P., 1979.
- ⁶ См., напр.: Тишков В.А. Что есть Россия? (Перспективы нациестроительства) // Вопросы философии. 1995. № 2; его же. О нации и национализме // Свободная мысль. 1996. № 3.
- ⁷ Коржаков А. Борис Ельцин: от рассвета до заката. М., 1997. С. 393.
- ⁸ Gerald E. M. Personal Networks and Postrevolutionary State Building. Soviet Russia Reexamined // World Politics. 1996. Vol. 48. July, pp. 551-578.
- ⁹ Ἰῖ.: Ἀarth F. Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity // The Anthropology of Ethnicity: Beyond «Ethnic Groups and Boundaries». Ed. by H.Vermeulin and C.Govers. Amsterdam, 1994.